

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЗНАНИЯ РОССИЙСКИХ КОНСТИТУЦИЙ 1978 и 1993 гг.: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

© 2008 г. М. Н. Марченко¹

Среди различных теоретически и практически значимых методов и подходов к познанию конституционных, равно как и любых иных правовых актов, трудно переоценимую роль играет сравнительный анализ.

Отнюдь не случайным представляется, что вопросам сравнительного изучения конституций, а вместе с тем и конституционного права как отрасли, в которой проблемы конституционного развития занимают центральное место, в отечественной и зарубежной литературе традиционно уделялось и уделяется значительное внимание².

При этом сравнительное исследование конституций проводилось под разными углами зрения, с различных политических и идеологических позиций и в самых разных вариантах. А именно – отечественные Конституции сравнивались (сопоставлялись и противопоставлялись) с зарубежными, более ранние отечественные Конституции – с более поздними (советского периода) Основными Законами³, наконец, одни зарубежные конституции сравнивались с другими зарубежными конституциями⁴.

¹ Заведующий кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

² См.: Еллинек Г. Конституции, их история и значение в современном праве. СПб., 1906; Коркунов Н. Сравнительный очерк государственного права иностранных держав. СПб., 1908; Эсмен А. Общие основания конституционного права. СПб., 1909; Кокошкин Ф. Лекции по общему государственному праву. М., 1912; Сравнительное конституционное право. М., 1996; Шаблинский И.Г. Пределы власти. Борьба за российскую конституционную реформу (1989–1995 годы). М., 1997; Хамидов Х. Сравнительное конституционное право: история и современность (Наука, источники и конституция) / Под общ. ред. Ф. Тахирова. Душанбе, 2001.

³ См.: Степанов И.М. Развитие Советской Конституции. М., 1957; Портнов В.П., Славин М.М. Этапы развития Советской Конституции (Историко-правовое исследование). М., 1982; Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции. М., 1987; Ковешников Е.М. Конституционное право Российской Федерации. М., 1998; Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 2000.

⁴ См.: Конституции буржуазных государств. М., 1982; Арановский К.В. Курс лекций по государственному праву зарубежных стран. Сравнительное государствоведение. Владивосток, 1996; Конституции государств Европейского Союза. М., 1999.

Необходимость, а вместе с тем теоретическая и практическая значимость сравнительного анализа конституций как основных законов, выступающих в качестве важнейших источников права, не подлежит никакому сомнению. Ибо он дает возможность проследить основные тенденции конституционного развития в мире и в каждой отдельно взятой стране; по-новому, как бы со стороны взглянуть на тот или иной конституционный акт, отмечая при этом его плюсы и минусы – позитивные моменты и проявившиеся недостатки; выработать обоснованные, базирующиеся не только на современной российской практике, но и на предшествующем отечественном и зарубежном опыте конституционного развития рекомендации по дальнейшему совершенствованию рассматриваемого конституционного акта и повышению его эффективности. Не в последнюю очередь это касается Конституции РФ 1993 г.

Однако в целях получения объективного знания в процессе сравнительного анализа различных конституционных актов методологически важным представляется в максимальной степени соблюдать следующие, предопределенные самой логикой научного познания исследуемой материи, условия.

Во-первых, исходить если не из одинакового, то по крайней мере сходного, не противоречиво-го понимания того, что именуется конституцией.

Дело в том, что, руководствуясь одним и тем же изначально заложенным еще в Древнем Риме смысловым значением термина “конституция” (*constitutio*) как “установления, предписания, нормы, правила”⁵, многие отечественные и зарубежные авторы вкладывают в этот термин и понятие далеко не всегда одинаковый смысл.

Так, первая группа авторов ассоциирует, а точнее – отождествляет конституцию с общественным и государственным порядком. “Всякий постоянный союз, – писал по этому поводу Г. Еллинек, нуждается в порядке, согласно которому создается и исполняется его воля, ограничивается его компетенция, регулируется положение его членов в самом союзе и по отношению к нему. Такого рода порядок называется конститу-

⁵ Барташек М. Римское право. Понятия, термины, определения. М., 1989. С. 87.

цией”⁶. У каждого государства, пояснял автор, “имеется, таким образом, своя Конституция”, без которой оно “было бы анархией”. И далее: “Конституция свойственна даже тирании в античном смысле, – так называемым, деспотиям, равно как и такому строю, где правление находится в руках демократического комитета общественного спасения в роде французского 1793 года”⁷.

Вторая группа (в основном представители общего права) рассматривает конституцию не иначе, как “обычный юридический текст”⁸ или же, как текст вместе “с решениями Верховного Суда, касающимися интерпретации этого текста” и “истории правительственного опыта, накопленного в процессе деятельности государственных органов при соблюдении ими требований, содержащихся в данном конституционном документе”⁹.

Наконец, третья группа авторов исходит из того, что любая конституция – это одновременно и юридический текст (документ), и основной закон жизни общества и государства, и учредительный акт, с помощью которого в формально-юридическом плане “учреждается” государство – официальный представитель всего общества и посредством которого реализуется учредительная власть народа¹⁰.

В процессе сравнительного анализа конституционных актов России 1978 и 1993 гг. наиболее целесообразным и оправданным представляется исходить из последнего, более полного и разностороннего представления о понятии и назначении любой конституции.

Во-вторых, не допускать смешения одних сторон и аспектов конституционных актов с другими.

Несмотря на то что при рассмотрении конституций в рамках отдельных правовых систем или же в процессе сравнительного анализа традиционно обращается внимание в основном (а иногда и исключительно) только на юридический характер конституции (“основной закон”, “юридическое основание правовой системы”, “важнейший источник права” и др.), в государственно-правовой теории и на практике все четче и чаще выделяются и другие ее стороны и характеристики¹¹.

⁶ Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 1908. С. 371.

⁷ Там же.

⁸ Gerhardt M., Rowe Th. Constitutional Theory. Arguments and Perspectives. Charlottesville, 1993. P. 39.

⁹ Ibid.

¹⁰ См.: Чиркин В.Е. Конституционное право Российской Федерации. М., 2002. С. 56–63.

¹¹ См.: Wade E., Bradley A. Constitutional Law. L., 1988. P. 15–21; Hogg P. Constitutional Law of Canada. Toronto, 1985. P. 1–8; Barron Y., Dienes C. Constitutional Law in A Nutshell. St. Paul., 1991. P. 1–12.

В результате этого конституции одновременно рассматриваются не только как *юридический акт (документ)*, лежащий в основе всей национальной правовой системы, но и как *политический документ*, возникший в результате противоборства и компромисса различных социальных сил; как идеологический акт, возникший на основе определенных, явных или завуалированных идеологических постулатов и юридически закрепляющих их; наконец, как социально значимый документ – социальный акт, выраженный и защищающий интересы и ценности одних слоев населения (классов, групп, олигархических “элит” и пр.), как правило, стоящего у власти меньшинства и индифферентно относящийся к интересам и ценностям других слоев общества – нередко подавляющего большинства.

Сложность и многогранность конституционных актов с неизбежностью определяют не только разнообразие их юридических свойств, таких как верховенство по отношению ко всем иным юридическим актам, существующим в рамках тех или иных национальных правовых систем, обладание высшей юридической силой, выступление в качестве юридической основы правовой системы и др.¹², но и обуславливают их многофункциональность.

Специалистами в области конституционного права выделяются и рассматриваются такие функции: “различные направления их назначения”, отражающие место и роль основного закона в политике, жизни общества и отдельных граждан, а также “в осуществлении задач государства”¹³, как учредительная, организаторская, идеологическая, внешнеполитическая и юридическая¹⁴.

Разумеется, при проведении сравнительного анализа конституционных актов 1978 и 1993 гг. важно учитывать не только многогранность и многофункциональность данных конституций, но и не допускать смешения их различных аспектов и функций.

В-третьих, проводить четкое различие между разнообразными, далеко не всегда совпадающими друг с другом формами выражения и проявления конституционных актов во вне, в частности, между *формальными, точнее – формально-*

¹² См.: Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. Учебник. М., 2000. С. 46–48; Безуглов А.А., Солдатов С.А. Конституционное право России. В 3-х т. Т. 1. М., 2001. С. 167–169; Авдеенкова М.П., Дмитриев Ю.А. Конституционное право Российской Федерации. Курс лекций. Ч. I. Основы теории конституционного права. М., 2002. С. 168–173; Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. М., 2008. С. 30–37.

¹³ Авакьян С.А. Указ. соч. С. 11.

¹⁴ См.: Авдеенкова М.П., Дмитриев Ю.А. Указ. соч. С. 174–175; Безуглов А.А., Солдатов С.А. Указ. соч. С. 163–164.

юридическими и реальными, “материальными” фактическими конституциями.

В науке общей теории права и конституционного права классификация форм выражения конституций на формальные (формально-юридические) и реальные (фактические) является общепринятой, хотя и не всегда в понятие и содержание этих форм вкладывается одинаковый смысл.

В качестве примера можно сослаться на известную работу Г. Еллинака “Общее учение о государстве”, где формальная конституция – “конституция в формальном смысле” представляется как писаная конституция, как юридический акт, выделяющийся и превосходящий по своей юридической силе все иные юридические акты¹⁵. Реальная же конституция – “конституция в материальном смысле”, понятие которой, по словам автора, “впервые было выяснено еще в древности”, ассоциируется не с юридическим актом, а с реально существующим “государственным устройством”. Представление о данной форме выражения конституции, как утверждал Г. Елликен, сложилось изначально “у тех народов, которые не знали формально-юридического различия между обыкновенным и конституционным законодательством”¹⁶.

Современные авторы, в отличие от Г. Еллинака, не сводят понятие формальной и реальной “материальной” конституции лишь к письменной или устной форме ее изложения. Однако при этом есть свои, причем весьма значительные расхождения.

Суть их заключается в том, что в одних случаях конституция в материальном и конституция в формальном смысле, понимаемые как “акт или совокупность актов, или конституционных обычаев”, рассматриваются как феномены, отличающиеся друг от друга предметом своего регулирования и соответственно направленностью своего непосредственного воздействия или на материальные условия жизни общества и государства (“на материальные отношения”) или же на систему существующих в стране юридических актов.

Конституция в формальном смысле, отмечают разделяющие подобные взгляды и представления о формальности и материальности конституций М.П. Авдеенкова и Ю.А. Дмитриев, – “это акт или совокупность актов, обладающих высшей юридической силой по отношению ко всем другим актам, действующим в государстве”¹⁷. В то же время конституция в материальном смысле – это акт или совокупность актов, или конституционных обычаев, “регулирующих важнейшие об-

щественные отношения, касающиеся прав и свобод человека и гражданина, основ государственного строя, формы правления и территориального устройства, организации центральных и местных органов государственной власти и нередко основы внешней политики своего государства”¹⁸.

В других случаях, в отличие от данного представления о формальной и материальной (фактической) конституциях, предлагается иное их понимание. При этом формальная конституция, или конституция в юридическом смысле понимается как “основной закон государства, закрепляющий общественно-экономический строй, форму правления и форму государственного устройства, а также правовое положение личности”¹⁹. В то же время конституция в материальном смысле, или фактическая конституция рассматривается как “реальный порядок осуществления государственной власти”, который в силу разных причин “может существенно отличаться от порядка, предписанного юридической конституцией”²⁰.

Иными словами, если формальная конституция воспринимается как юридический документ, содержащий в себе принципы и правила, обладающие огромной социально-политической значимостью и высшей юридической силой, как акт, предписывающий то, что с официальной точки зрения должно быть, то фактическая конституция указывает на то, как в реальной жизни осуществляются формально-юридические, конституционные требования, каков экономический, социально-политический и иной результат процесса их реализации, т.е. на то, что есть.

Формальная конституция в случае реализации всех содержащихся в ней программных положений и требований может совпадать с фактической, а в случае отрыва конституционных положений и требований от реальной действительности может значительно расходиться с нею и не совпадать²¹.

Данный вывод представляется общезначимым, в известном смысле универсальным как в процессе познания отдельно взятых конституционных актов, так и при проведении сравнительного анализа различных конституций, не исключаются, разумеется, российские Конституции 1978 и 1993 гг.

Говоря о соотношении последних, рассматриваемых в формально-юридическом и материальном (фактическом) смысле, нельзя не согласиться с мнением, что формально-юридический анализ той или иной конституции – “это лишь первая

¹⁸ Там же.

¹⁹ Мишин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. М., 1996. С. 35.

²⁰ Там же.

²¹ См.: там же. С. 35–36.

¹⁵ См.: Елликен Г. Общее учение о государстве. С. 372.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Авдеенкова М.П., Дмитриев Ю.А. Указ. соч. С. 183.

(начальная) ступень ее познания, но не более того. Такой подход явно недостаточен для объективной оценки ее содержания”²². Для глубокого и всестороннего познания любого конституционного акта, в том числе Конституций России 1978 и 1993 гг. требуется тщательное составление (соотнесение) каждого их принципа, каждого положения с “реальными институтами государства и гражданского общества, динамикой уровня жизни населения, состоянием прав и свобод личности, законности и правопорядка”²³.

В-четвертых, руководствоваться при проведении сравнительного анализа различных конституционных актов и их всесторонней оценке одинаковыми социально-политическими, экономическими и иными критериями.

Весьма важным требованием, предъявляемым к такого рода критериям, как представляется, должно быть требование их четкости и строгой определенности.

В *социальной сфере* жизни общества – должен быть достигнутый в период действия той или иной конституции *жизненный уровень всего населения*, реальная обеспеченность, а не формальная декларативность зафиксированных в конституции социально-экономических прав и свобод. В *политической сфере* – прежде всего открытость для любых политических взглядов и воззрений, а также стабильность национальной политической системы, а в ее пределах – мощь и самодостаточность государства. В *экономической сфере* – всестороннее развитие высокоэффективной, наукоемкой, высокотехнологичной экономики, способной обеспечить не только дальнейшую эволюцию всего общества и государства, но и гарантировать материальное благосостояние каждого отдельного члена общества и гражданина, обеспечить реализацию его социально-экономических и иных прав.

Ибо без этого, как многократно отмечалось в научной юридической литературе, все многочисленные, официально декларированные и конституционно закрепленные права и свободы во многом теряют смысл²⁴. “Для безработного, – писал по этому поводу еще в 80-е годы прошлого столетия известный немецкий юрист, член Федерального конституционного суда К. Хессе, – постанов-

ка вопроса о профессиональной свободе является бесполезной. Свобода получения образования и свободный выбор учебного заведения значимы лишь для тех, кто обладает достаточными средствами для того, чтобы получить желаемое образование, и кто имеет возможность поступления в эти учебные заведения. Гарантии права собственности имеют реальное значение лишь для собственников, неприкосновенность жилища – лишь для тех, кто им обладает”²⁵.

Аналогичные (основанные на анализе реальной действительности) выводы имеются в конституционной теории и практике и в настоящее время. В современной российской действительности, отмечает, в частности, О.Е. Кутафин, применительно к действительности, опосредуемой правовыми нормами, содержащимися в Конституции РФ 1993 г., “когда растет преступность, продолжается обнищание населения, нарушаются права человека, признание конституционным правом прав и свобод человека высшей ценностью носит в значительной степени формальный характер”²⁶.

Проводя сравнительный анализ Конституций России 1978 и 1993 гг., весьма важно в теоретико-методологическом и практическом плане иметь в виду, что эти Конституции сложились не на пустом месте, а фактически на базе одного и того же общества; на основе одного и того же (хотя и “реформированного” в конце 80-х – начале 90-х годов) уклада общественной и государственной жизни; одного и того же уровня и типа общественного (в том числе и правового) сознания; наконец, на базе одних и тех же исторических, национальных и иных традиций, а также единой, выработанной всем ходом предшествующего развития Российского государства и права конституционной теории²⁷.

В связи с этим в научной юридической литературе верно подчеркивалось, что конкретные исторические условия определяют возможности конституционного развития и строительства, и что “сложившийся уклад государственной и общественной жизни может быть реформирован, но не может быть отвергнут”, с тем чтобы приступить к работе над очередным конституционным актом, образно говоря, с чистого листа. При этом верно подмечается, что “можно принять новый основной закон, создать новую конституционную теорию”, но “если реальные конституционные отношения не получили необходимой степени развития, то правовые конституции

²² Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. Л.А. Окунькова. М., 2002. С. 22.

²³ Там же.

²⁴ См.: Общая теория прав человека / Рук. авт. колл. и отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 1996; Поленина С.В. Права женщин в системе прав человека: международный и национальный аспект. М., 2000; Права человека: итоги века, тенденции, перспективы / Рук. науч. колл. и отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 2002; Глухарева Л.И. Права человека в современном мире (Социально-философские основы и государственно-правовое регулирование). М., 2004.

²⁵ Хессе К. Основы конституционного права ФРГ. М., 1981. С. 112.

²⁶ Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. М., 2001. С. 63.

²⁷ См.: Ковешников Е.М. Указ. соч. С. 6–15.

приобретут уродливую форму либо будут отвергнуты практикой как искусственные, не могущие быть реализованными”²⁸.

Из этого следует, что при разработке, принятии и последующей оценке любого конституционного акта, в том числе и Конституции РФ 1993 г., весьма важным является *учет и анализ не только конкретных исторических условий*, породивших элементы новизны данного конституционно-правового акта, но и рассмотрение условий, предопределивших преемственность этого акта от всех предшествующих ему и в особенности от последнего, непосредственно связанного с ним во времени пространства акта.

Применительно к сравнительному анализу Конституций 1978 и 1993 гг. это означает, что в процессе его проведения важно учитывать не только элементы их собственной уникальности и новизны по сравнению с другими отечественными Конституциями и по отношению друг к другу, но и *элементы их общности и преемственности*.

Здесь, как представляется, *неуместны крайности*, сводящиеся, с одной стороны, к тому, что фактически отрицается преемственность в развитии российского конституционного права и соответственно преемственность Конституции РФ 1993 г. от Конституции РСФСР 1978 г.²⁹, а с другой – она чрезмерно преувеличивается “по факту”, в частности, когда считается, что чуть ли не единственным новым элементом Конституции РФ 1993 г., прошедшим всю необходимую процедуру общественной легитимации, является институт президентства³⁰.

Критически высказываясь против такого рода крайностей, Л.А. Окуньков вполне справедливо замечает, что, хотя все предшествовавшие Конституции РФ 1993 г. конституционные акты “обладали ярко выраженным классовым характером и социалистической ориентацией, вместе с тем они содержали традиционно необходимые для таких актов положение об основах общественно-политического строя, системе государственной власти, основных правах и обязанностях граждан”³¹. Более того, констатирует автор, многими политиками и государствоведами отмечается “последовательная роль советских конституций в закреплении и гарантировании социально-экономических прав граждан, их положительное воздействие на развитие науки, культуры,

образования. В 60–80-х годах минувшего столетия уровень гарантированности последних был даже выше по сравнению с нынешним постсоветским периодом”. В силу этого, приходит к вполне обоснованному выводу исследователь, отдавая должное конституционному акту 1993 г., не следует его наделять неким качеством, “зачеркивающим роль его предшественников в развитии конституционного законодательства”³².

Аналогичную позицию в отношении преемственности Конституции РСФСР 1978 г. занимают и многие другие авторы – теоретики и практики. Они резонно указывают на то, что, хотя “в основу науки советского государственного права были заложены идеи партии, ее взгляды на государство, конституции, тем не менее, советская теория конституции не только обращалась к общецивилизационным проблемам, но и сама оказывала активное влияние на переоценку многих устоявшихся положений”³³. Подобного рода активные целевые функции выполняет в настоящее время и Конституция РФ 1993 г., унаследовав их от Конституции РСФСР 1978 г. и других, прежних предшествовавших ей советских Конституций.

В этой связи нельзя не согласиться с мнением о том, что Конституция РФ 1993 г. “опирается и на опыт предшествующего конституционного развития России”³⁴.

В плане сравнительного анализа Конституций России 1978 и 1993 гг., пользуясь соответствующими философскими категориями “общего”, “особенного” и “единичного”, можно с полной определенностью сказать, что у каждой из них наряду со свойственными только им неповторимыми признаками и чертами (“единичное”) существуют также их общие (“всеобщие”, присущие всем вместе взятым и каждому в отдельности конституционному акту) и особенные (выступающие как “продолжение” общих и всеобщих черт) признаки и черты.

Общность российских Конституций 1978 и 1993 гг. проявляется в самых разных формах и отношениях. Но наиболее зримо и неоспоримо она проявляется в следующем.

Во-первых, в позитивистском и этатическом характере обоих конституционно-правовых актов. Это означает прежде всего, что обе Конституции (равно как и построенные на их основе правовые системы) целиком и полностью “привязаны” к государству и к его обеспечивающей реализацию конституционных требований и положений принудительной системе.

Этатический позитивизм, поясняет Г.В. Мальцев, рассматривает право исключительно как

²⁸ Пряхина Т.М. Конституционная доктрина современной России. Саратов, 2002. С. 24.

²⁹ См.: Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. Учебник. М., 1998. С. 35.

³⁰ См.: Савелова Н., Юрьев Д. Первое лицо, единственное число // Новый мир. 2000. № 10. С. 148–150.

³¹ Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. Л.А. Окунькова. С. 9.

³² Там же.

³³ Пряхина Т.М. Указ. соч. С. 25.

³⁴ Авдеенкова М.П., Дмитриев Ю.А. Указ. соч. С. 196.

“систему велений или предписаний государства, адресованных гражданам и их объединениям. По одну сторону – государство и право, логически и исторически связанные между собой, по другую – гражданское общество, интересы которого отражаются в праве лишь после того, как они трансформируются в государственные интересы”³⁵.

Разумеется, для того чтобы придать рассматриваемым конституционно-правовым актам более привлекательный характер и несколько завуалировать или “смягчить” непосредственно ассоциирующийся с государственной бюрократической машиной “конституционный позитивизм”, советские и постсоветские правящие круги попытались представить Конституции 1978 и 1993 гг. в виде Основных Законов не только государства, но и общества. Конституции при этом представляются как акты – творения самого народа и в интересах народа.

Не трудно заметить, что в конституционной теории и практике происходит подмена понятий “народ” и “партийно-государственная номенклатура” (применительно к Конституции РСФСР 1978 г.) и “народ” и “олигархический капитал” – полукриминальное образование (применительно к Конституции РФ 1993 г.). Естественно, наряду с подменой данных понятий происходит подмена и соответствующих интересов.

Говоря о позитивистском и этатическом характере рассматриваемых Конституций как об их общих, объединяющих их между собой в рамках однотипных конституционных актов признаках и чертах и “наполняющих” содержание весьма абстрактной категории “общего”, вместе с тем нельзя не видеть и проявлений в данных признаках и чертах их “особенного”.

Своеобразие позитивизма и этатизма в Конституциях 1978 и 1993 гг. проявляется, в частности, в том, что применительно к первой из них эти особенности Конституции не только не отрицаются, а наоборот, в ряде статей даже косвенно подчеркиваются.

Об этом свидетельствуют, в частности, ст. 3 Конституции, закрепляющая принцип организации и деятельности Советского государства – демократический централизм; ст. 4, провозглашающая, что “Советское государство, все его органы действуют на основе социалистической законности, обеспечивают охрану правопорядка, интересов общества, прав и свобод граждан”; ст. 6, закрепляющая руководящую роль КПСС в политической жизни общества, и др.³⁶

³⁵ Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999. С. 152; *Его же*. Социальные основания права. М., 2007.

³⁶ См.: Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. М., 1978.

По иному обстоит дело с признанием позитивистского и этатического характера Конституции РФ 1993 г. Будучи таковой по своей природе, она содержит даже отдельные статьи, свидетельствующие о стремлении ее разработчиков и заказчиков представить данный конституционный акт в виде некоего “общегражданского”, естественно-правового акта, “тяготеющего” и обслуживающего прежде всего интересы общества, а не приватизированного так называемым семейным и прочими олигархическими кланами государства.

О таком стремлении представить постсоветскую Конституцию в естественно-правовом облике свидетельствуют, в частности, ст. 2, высокопарно декларирующая, что “человек, его права и свободы являются высшей ценностью”, а государство обязано признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина; ч. 2 ст. 17, провозглашающий, что “основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения”, и др.³⁷

Однако, не имея под собой практически никакой, сколько-нибудь значимой материальной, правовой и иной основы, а также не будучи органически связанными с другими статьями и положениями Конституции, данные естественно-правовые декларации “провисают в воздухе” и остаются ничем иным, как нереализованными декларациями.

Во-вторых, в приверженности Конституций 1978 и 1993 гг. прежним отечественным конституционным традициям следования в первую очередь букве (тексту), а затем уже духу закона.

Следование такого рода традициям, когда в конституционно-правовом порядке закрепляются и довольно обстоятельно регулируются такие общественные отношения, которые могли бы с меньшим успехом и отдачей быть закреплены и урегулированы не с помощью статей и норм, содержащихся в Конституции, а в издаваемых на ее основе и в ее развитие конституционных и обычных законах, приводит к искусственному разбуханию текста Конституции и необходимости довольно частой замены по мере наступления изменений в развитии общества и государства одних конституционных актов другими.

Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить, что отечественные Конституции, начиная с Конституции РСФСР 1918 г. и кончая ныне действующей Конституцией РФ, менялись в среднем каждые 15–16 лет, а средний объем текста превышал 100 и более статей.

Так, Конституция РСФСР 1978 г. содержала в себе 185 статей с многочисленными дополнениями и изменениями, относящимися в основном к концу 80-х – началу 90-х годов, превратившими ее

³⁷ См.: Конституция Российской Федерации. М., 2003.

в конечном счете, по справедливому замечанию специалистов в области конституционного права, в “рыхлый политико-правовой документ”³⁸. Ныне действующая Конституция 1993 г. в этом отношении не во многом расходится с Конституцией РСФСР 1978 г. и содержит 137 статей.

Для сравнения: Конституция США (принята в 1787 г.) содержит в своей структуре всего 7 статей, 18 “разделов” и 27 поправок. Последняя поправка была принята в 1992 г.³⁹

Основная причина текстовой перегруженности и излишней “говорливости” отечественных Конституций заключается, как представляется, в следующем: а) они ориентированы на букву, конкретный текст, а не на дух, основополагающие принципы Основного Закона; б) неоправданно стремятся по максимуму урегулировать все более или менее значимые в социальном плане отношения на федеральном уровне, тогда как многие из них, не имеющие прямой связи с общегосударственными проблемами, гораздо эффективнее было бы регулировать на региональном уровне – на уровне субъектов Федерации. Подобная практика имеет место, в частности, в США, где основной акцент в решении подобного рода проблем переносится на уровень штатов⁴⁰; в) не имеют достаточно эффективного механизма адаптации конституционного текста и самого смысла Конституции к непрерывно изменяющейся экономической, социальной и иной среде.

Сравнивая в этом отношении Конституцию РФ 1978 г. с Конституцией 1993 г., следует заметить, что последняя имеет некоторые преимущества перед первой. Суть их сводится к тому, что применительно к Конституции 1993 г. *в лице Конституционного Суда действует механизм ее толкования (интерпретации) и в определенном смысле ее последовательной адаптации, приспособления к изменяющейся среде*. Такого рода деятельность Конституционного Суда, несомненно, способствует тому, чтобы Конституция как Основной Закон стала гибче и динамичнее. Однако эта деятельность, а точнее, ее результаты в значительной мере “нейтрализуются” искусственно усложненным порядком внесения конституционных поправок и весьма жесткой процедурой пересмотра не отвечающих вызовам времени конституционных положений.

В-третьих, в значительной мере формальном и идеологизированном характере российских Конституций 1978 г. и 1993 годов.

³⁸ Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. Л.А. Окунькова. С. 13.

³⁹ См.: Соединенные Штаты Америки. Конституция и законодательные акты / Под ред. и со вступит. ст. О.А. Жидкова. М., 1993. С. 29–49.

⁴⁰ См.: там же. С. 50–137.

Формальный, значительно расходящийся с реальной действительностью характер рассматриваемых конституционных актов проявляется в том, что они зачастую во многих своих главах и статьях прокламируют одно, а в реальной действительности происходит совсем иное.

Такое расхождение касается не только “второстепенных”, но и основных, базовых положений данных Конституций, таких, в частности, как власть и собственность.

Согласно конституционным декларациям 1978 г. “вся власть в РСФСР принадлежит народу”, который осуществляет ее “через Советы народных депутатов, составляющих политическую основу РСФСР” (ст. 2). В действительности же власть принадлежала в основном партийной и государственной бюрократии.

Согласно Конституции РФ 1993 г. “носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ” (ч. 1 ст. 3), который “осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления” (ч. 2 ст. 3). Настоящая же власть в стране находится в руках незначительной части общества – государственной бюрократии и полукриминальной олигархии.

Аналогичным образом обстоит дело и с “народной”, “служашей интересам всего общества” собственностью. Нужно быть не в меру лукавым, циничным или же наивным при наличии в стране в конце XX – начале XXI вв. более 1/3 населения, живущей за чертой бедности, и миллионов безработных, чтобы утверждать, что олигархическая – “ворованная собственность”⁴¹ (в смысле – “приватизированная”) будет служить интересам всей страны, всего общества, наконец, – Российского государства, а не иным, в том числе “зарубежным” интересам.

Идеологизированный характер рассматриваемых в сравнительном плане Конституций проявляется, в частности, в том, что каждая из них содержит в себе такие не подтвержденные жизнью и государственно-правовой практикой “идеологеммы”, как “общенародное государство”, “развитое социалистическое общество” и пр. (применительно к Конституции 1978 г.) и “правовое государство”, “социальное государство” и пр. (применительно к Конституции 1993 г.).

В-четвертых, в закреплении и манипулировании рассматриваемыми Конституциями правами и свободами человека и гражданина.

В каждой из них содержатся отдельные главы и довольно многочисленные параграфы, посвященные правам и свободам человека и гражданина (в Конституции РСФСР 1978 г. – гл. 5–6, а в

⁴¹ Комсомольская правда. 2004. 20 нояб. С. 12–13.

Конституции РФ 1993 г. – гл. 2); в той или иной мере провозглашаются и закрепляются гарантии этих прав и свобод.

Однако проблема заключается в том, что многочисленные права и свободы, а вместе с ними и гарантии в гораздо большей степени декларируются, провозглашаются, чем реализуются. Это касается всех без исключения конституционных и обычных прав и свобод человека и гражданина, с той, однако, разницей, что в Конституции РСФСР 1978 г. больше внимания уделялось социально-экономическим правам и свободам и гораздо меньше – политическим, а в Конституции РФ 1993 г. – наоборот.

В одинаково декларативном, формальном отношении обеих Конституций к правам и свободам (помимо всего прочего) заключается их общее. В подчеркнуто дифференцированном отношении данных конституционных актов к социально-экономическим и политическим правам и свободам человека и гражданина проявляется их особенное.

В-пятых, в разработке и принятии Конституций РСФСР 1978 и 1993 годов под влиянием и с учетом идей и принципов западного конституционализма и либерализма.

Несмотря на то что Конституция РСФСР 1978 г. разрабатывалась и принималась в условиях идеологического и политического противостояния двух противоборствующих (социалистической и капиталистической) систем, в разгар “холодной войны”, она, тем не менее, вобрала в себя некоторые знаковые для западного конституционализма положения⁴², касавшиеся, в частности, представительной демократии, парламентаризма, ряда прав и свобод граждан, таких как свобода слова, свобода совести и вероисповедания, а также другие социально-политические права.

В целом же Конституция как вполне самостоятельный и в определенном смысле весьма самобытный юридический и социально-политический акт, будучи разработанной совсем на иной политической и идеологической основе, нежели западные конституции, не только не воспринимала основные принципы западного конституционализма и либерального демократизма, но, наоборот, всячески их отвергала.

По иному в этом отношении обстоит дело с Конституцией РФ 1993 г. В ней довольно четко прослеживается не только преемственность от прежних советских Конституций и в особенности от Конституции РСФСР 1978 г., но и весьма ощутимое влияние западного конституционализма и либерализма⁴³.

⁴² См.: Пряхина Т.М. Указ. соч. С. 23–25.

⁴³ См.: там же. С. 33–35.

Это проявляется, в частности, в том, что по примеру и под влиянием западных либеральных и неоллиберальных идей действующая Конституция восприняла и закрепила принцип разделения властей, принцип многопартийности, принцип политического и идеологического многообразия (“плюрализма”), право и форму частной собственности, некоторые постулаты теории естественного права и др.

Кроме названных общих черт и особенностей Конституции России 1978 и 1993 гг. имеют и другие общие и особенные признаки и черты, сближающие их друг с другом и одновременно выделяющие их среди других конституционных актов и отделяющие их друг от друга.

Среди таких преимущественно формально-юридических черт и особенностей следует назвать, например, обладание Конституций как Основных Законов государства высшей юридической силой; выступление их в качестве базовых актов, на основе которых создается и развивается вся правовая система; особый порядок принятия, пересмотра и внесения поправок в Конституции; закрепление с помощью конституционных актов наиболее важных для жизнедеятельности общества и государства общественных отношений; отнесенность (по сравнению с обычными законами и другими нормативно-правовыми актами) стабильность конституционных актов; всеохватывающий характер (по территории, сферам жизни, различным слоям общества конституционной регламентации) и др.⁴⁴

В наличии данных и иных формально-юридических признаков и черт, свойственных в равной мере как Конституции РСФСР 1978 г., так и Конституции РФ 1993 г. проявляется их несомненная общность между собой и другими советскими и зарубежными конституциями.

В них (в этих признаках и чертах) и через них выражается так называемая “конструктивистская роль конституций”. Как справедливо отмечают конституционалисты, суть ее сводится к следующему: “с появлением Основного Закона новые отношения, сложившиеся или складывающиеся в обществе, получают фундаментальную государственно-правовую поддержку”, конституция “дает начало новому общественно-политическому укладу жизни, становится обязательной, в том числе и для тех, кто сопротивлялся ее появлению”⁴⁵. На основе и в соответствии с конституцией создаются новые государственные и обществен-

⁴⁴ См.: Баглай М.В. Указ. соч. С. 12–26; Колюшин Е.И. Конституционное (государственное) право России. Курс лекций. М., 1999. С. 7–15; Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право Российской Федерации. Учебник. М., 2004. С. 45–48; Авдеев М.П., Дмитриев Ю.А. Указ. соч. С. 163–174.

⁴⁵ Авакьян С.А. Указ. соч. С. 10.

ные институты, формируется новое законодательство, утверждается новый государственный режим.

Что же касается особенностей российских Конституций 1978 и 1993 гг. и их индивидуальных черт (“единичного”), то они возникают не столько на фор-

мальной конституционно-правовой основе (появление особых, “уникальных” институтов, предусмотренных новой Конституцией, особых функций и пр.), сколько на основе реальных – экономических, социальных, политических и иных отношений, опосредуемых с помощью норм конституционного права.